

Человек большого пространства

Евгений Гришковец: «Я уже не стану выше 172 сантиметров»

Независимая - 2001 - 8 дек - с. 9, 11.

Екатерина Варкан

Завтра в столичном Центре Мейерхольда премьера спектакля Евгения Гришковца «Планета». Буквально две недели назад он показал в Москве еще одну премьеру – «Дредноуты». А еще два года назад мало кому известный Гришковец – кемеровский драматург, проживающий в Калининграде, почти мгновенно стал самым модным столичным автором. В декабре 1999 года он получает премию Антибукер в номинации «Современная русская драматургия», в марте 2000-го – сразу две «Золотые маски», а в декабре – поощрительный молодеж-

Если ты живешь и работаешь в каком-то городе, то тебе приходится ходить по нему маршрутами, которые не очень нравятся: ездить в метро или посещать отдаленные уголки города, тебе не очень приятные. А в Калининграде я живу в красивом месте и хожу там, где мне нравится. Я мало общаюсь и только с теми, кто мне интересен и приятен, и кому интересен я. Мне приятно туда возвращаться.

А кемеровчанин я или калининградец? Наверное, я из Сибири все-таки, из того большого пространства. Когда бываю в Европе (сейчас это часто случается), всегда удивляюсь: такое все маленькое – домики, улочки. Как же там можно существовать без воздуха?

Были люди, которые потребовали от меня, чтобы я начал писать пьесы

ный грант «Триумфа». Поговаривали, что лишь одного голоса не хватило ему, чтобы получить большой «Триумф» и занять место рядом с Майей Плисецкой и Анатолием Васильевым. И по сей день все спектакли по его пьесам («Как я съел собаку», «Одновременно», «Записки русского путешественника», «Зима») идут при переполненных залах. Сегодня имя Гришковца уже стало нарицательным. Кто он и откуда?

Евгений, вы из Кемерово или из Калининграда?

– Родился в городе Кемерово, а сейчас живу в Калининграде, который Кенигсберг. Там я не работаю, там я только живу. В какой-то момент мне стали невозможны, неинтересны, невыносимы и т.д. мои обстоятельства жизни в городе Кемерово. И я решил сменить эти обстоятельства. Причем выбирал город Калининград так, что не было никаких видимых обстоятельств, по которым я предпочел именно этот город. Я приехал, там живу, и мне очень нравится.

– Много разговоров, что русская культура вышла из провинции. Ваш пример подтверждает это. Как творческому человеку пробиться здесь, в Москве?

– Я не пробивался. И момент пробивания, по-моему, бесполезен. Хотя я довольно много вижу людей, которые пробиваются, и на занятие пробивания уходят все силы. И что значит пробиваться? Если сделано какое-то произведение искусства – роман, повесть, пьеса – и потом человек пробивает, то есть носит его и предлагает? Мне кажется, что невозможно и бессмысленно этим заниматься. Этого момента пробивания у меня не было. Я все больше уверен, что это такое мое счастливое стечение обстоятельств и, в общем, я не суеверил несколько. Это само собой все происходит.

– И как же так вышло, что буквально в один день вы стали одним из самых модных драматургов в Москве?

– Вот это удивительно. Но это все-таки не так, вернее, совсем не так, как об этом говорит Иосиф Райхельгауз, который

Евгений Гришковец. Крылышками машет.

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

рассказал такую симпатичную историю, как я принес ему листочки с пьесой. И пусть это остается в виде такого рассказа. Но все-таки до этого был мой театр «Ложа» в городе Кемерово и были постановки. Мы показывали их на фестивалях. Там меня увидела молодая московская критика. Когда я приехал в

столицу, были люди, которые могли рекомендовать меня, были люди, которые пригласили меня на фестиваль NET. В конце концов были люди, которые потребовали от меня, чтобы я начал писать пьесы.

– А как Райхельгауз рассказывает историю, когда вы пришли к нему с листочками?

– Он рассказывает, что я пришел в театр, встретился с ним, сказал, что у меня есть пьеса и я не знаю, что с этим делать. Собственно, после этого и получился спектакль. Он рассказывает ее очень интересно, и мне нравится история, которую он рассказывает. Я слушаю ее не как про себя. На самом деле все

было совершенно по-другому. Хотя момент прихода и листочков был. Но ко времени, когда мы с ним встретились и познакомились, он уже прочитал пьесу. (Смеется.) А эти листочки лежали у него на столе, а у меня их с собой не было. (Смеется.) Если сейчас вспомнить все подробности, то вообще получится какой-то роман с этими листочками. Ну, пусть будет и такой хрестоматийный и классический рассказ. В общем, он мне нравится.

– Евгений, а кто те люди, которые заставили вас записать пьесы?

– В Кемеровском университете, где я учился, я написал один рассказ, который мне не нравится, и несколько стихов – плохих, которые, благо, я не могу найти, они куда-то канули. Заставил меня написать пьесу как таковую художник Павел Каплевич, который пришел на спектакль «Как я съел собаку». Сразу после этого он стал меня представлять всем как драматурга и говорил, чтобы я не объяснял никому, что у меня ничего не написано. Нельзя сказать, что он усадил меня за стол, но он настолько сильно меня встревожил и настолько сильно обнажил невозможность моего общения и контакта с театральными деятелями и театром без материала, который может быть мной оформлен в виде чего-то. И я сделал это в виде «Диалогов к пьесе «Записки русского путешественника». И таким образом сразу определился жанр.

– До этого вы играли по памяти?

– Я не то чтобы помнил эти тексты, это просто мои тексты. Мне не нужно даже вспоминать, и если я что-то вдруг забыл или не воспроизвел в каком-то спектакле, там появилось что-то другое.

– Часты ли отступления от основного текста?

– Не отступления. Ведь анекдот, рассказанный при детях, не такой, что рассказан в кругу друзей. Есть некая тема, и каждый раз это новый спектакль. Всякий раз текст уточняется, именно уточняется. Акценты меняются, и главное для меня – найти более точные слова по поводу того, что говорю.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 11